

Р. Г. Саакян

Из истории советско-турецких отношений (1928—1929 гг.)

Победившая в России Октябрьская революция оказала огромное влияние на национально-освободительное движение народов Востока. Советская Россия первая протянула руку дружбы борющемуся против империалистов турецкому народу. Материальная и моральная поддержка Советской России сыграла важнейшую роль в деле победы турецкого народа в освободительной борьбе. Когда в апреле 1920 года руководитель национально-освободительной борьбы Мустафа Кемаль обратился к Советскому правительству с просьбой об оказании помощи, последнее сразу же откликнулось на это, установило с Турцией нормальные дипломатические отношения и т. д. 16 марта 1921 г., в самый тяжелый для Турции период борьбы с англо-греческой интервенцией, в Москве был подписан политический договор между РСФСР и Турцией, неизмеримо укрепивший позиции Турции и явившийся одним из важных условий ее победы в национально-освободительной войне.

Московский договор был первым равноправным договором, заключенным Турцией с великой державой.

Советский Союз активно выступил с защитой интересов Турции и на Лозаннской конференции 1923 г.

В декабре 1925 г., в момент резкого обострения англо-турецкого конфликта из-за Мосула, когда Турция оказалась полностью изолированной, Советский Союз, единственная из великих держав, оказал поддержку Турции, заключив с ней договор о ненападении и нейтралитете.

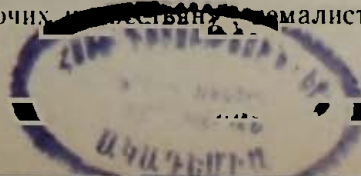
11 марта 1927 г. был подписан первый советско-турецкий торговый договор, построенный на равноправных началах.

Настоящая статья имеет целью осветить отдельные неисследованные вопросы советско-турецких взаимоотношений 1928—1929 гг.

После окончания национально-освободительной борьбы кемалистская Турция развивалась в направлении сближения с империалистическими государствами Запада. Кемалистская революция, в силу своей верхушечности и буржуазной ограниченности оказалась не в состоянии вести решительную и последовательную борьбу за избавление экономической зависимости страны от империализма и ликвидацию феодальных пережитков в сельском хозяйстве.

В крайне тяжелом положении находились трудящиеся массы. Являясь «правительством борьбы против рабочих и крестьян», кемалистское

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 9, стр. 295.

правительство ничего не сделало для поднятия крайне низкого уровня их жизни.

Рабочий класс Турции, вместе с трудовым крестьянством отстаивавший независимость страны в годы войны с интервентами, остался таким же бесправным, как и прежде. Никакого трудового законодательства, хотя бы в минимальной степени защищающего рабочих, в Турции не существовало. Рабочий день длился 12—15 часов. Материальные условия жизни рабочего класса по сравнению с довоенным временем ухудшились. Прожиточный минимум по сравнению с 1914 г. увеличился к 1927 г. в 14 с половиной раз².

Очень тяжело приходилось и трудящимся массам крестьян. Несмотря на демагогические заявления кемалистов о том, что «крестьянин является хозяином земли», львиная доля всех пригодных для обработки земель по-прежнему оставалась собственностью буржуазно-помещичьего государства, помещиков и кулаков, которые жестоко эксплуатировали безземельных и малоземельных крестьян.

Что касается положения национальных меньшинств, то они были лишены самых элементарных прав. Несмотря на то, что в Турции проживало более двух миллионов курдов и около полумиллиона арабов, армян, лазов, греков и др., турецкие правящие круги отрицали наличие национального вопроса в стране. Больше того, ассимиляция национальных меньшинств в Турции санкционировалась в законодательном порядке. Статья 88 новой конституции, принятой 20 апреля 1924 г., устанавливала, что «*все жители Турции без различия религии и народности считаются турками*» (подчеркнуто нами — Р. С.). Кемалисты открыто заявляли по каждому поводу, что национальные меньшинства в Турции вообще являются «аномалией» и что они должны либо «покинуть страну», либо «слиться со средой, в которой они живут»³.

Обострение классовых и национальных противоречий и боязнь выступлений народных масс, экономическая зависимость Турции и другие обстоятельства способствовали быстрому сближению кемалистов с их бывшими противниками — компрадорами и реакционными феодалами, толкали кемалистов на уступки империалистическим державам. В 1926—1928 гг. турецкое правительство подписало ряд соглашений с империалистическими державами в ущерб национальным интересам страны.

Наиболее значительной уступкой иностранному капиталу явилось согласие турецкого правительства уплатить старые султанские долги.

13 июня 1928 г. в Париже было подписано соглашение с держателями облигаций Оттоманского долга, по которому турецкое правительство обязалось уплатить в иностранной валюте сумму в размере 86 млн. золотых турецких лир, что было непосильным бременем для разоренной войной и обнищавшей страны.

² «Новейшая история стран Зарубежного Востока». Выпуск 1 (1918—1929 гг.), стр. 298. Изд. Московского университета, 1954.

³ Там же, стр. 308.

Сближение Турции с империалистическими державами не могло не отразиться на внешней политике Турции, в частности на развитии советско-турецких отношений. По отношению к Советскому Союзу — к своему великому соседу — Турция проводила непоследовательную и противоречивую политику. Буржуазно-националистическое правительство кемалистов, являясь ярким защитником интересов эксплуататорских классов, ненавидело Советскую страну — государство рабочих и крестьян. Однако правительство кемалистов было вынуждено считаться с Советским Союзом, который приобретал все больший авторитет и вес в международной жизни, как великая держава.

Что касается Советского Союза, то он, активно проводя миролюбивую политику, был заинтересован в том, чтобы Турция не превращалась в плацдарм и орудие для антисоветских провокаций империалистических государств, не вовлекалась в агрессивные комбинации и блоки империалистов.

На этой почве и развивались внешнеполитические отношения между СССР и Турцией.

В рассматриваемый период благодаря последовательно миролюбивой политике Советского государства укрепилась внешнеполитическая связь между СССР и Турцией. Советский Союз оказывал Турции неизменную поддержку в области международных отношений.

Крупные капиталистические державы Западной Европы вынуждены были признать СССР, который с каждым годом приобретал все больший авторитет и вес в международной политике. Экономическая мощь первой страны социализма возрастала небывалыми в истории темпами, успешно претворялся в жизнь грандиозный план индустриализации СССР. Поэтому капиталистические государства Запада вынуждены были считаться с Советским Союзом при разрешении важнейших проблем международной жизни.

При таких условиях поддержка Советским Союзом на международной арене имела для Турции первостепенное значение. Эта поддержка проявилась, в частности, в вопросе об участии Турции в работах подготовительной комиссии по созыву конференции по разоружению. Активные члены Лиги Наций и прежде всего Англия, подчиняя эту организацию своим империалистическим целям подготовки новой войны и интервенции против страны социализма, под маской «пацифизма», всячески старались отстранить не входящие в Лигу Наций государства от участия в обсуждении кардинальных вопросов, интересующих народы всех стран. Советский же Союз последовательно отстаивал принцип равноправия всех государств, больших и малых, в международных отношениях. Исходя из этого принципа Советский Союз требовал, чтобы все государства, не входящие в Лигу Наций, на равных правах принимали участие в обсуждении вопроса о разоружении. По причине дискриминационной позиции, занятой Советом Лиги Наций, Турция до 1928 г. не участвовала в работах подготовительной комиссии к конференции по разоружению. Накануне открытия в Женеве пятой сессии указанной комиссии 6 марта 1928 г.

председатель советской делегации заместитель народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинов отправил телеграмму генеральному секретарю Лиги Наций о приглашении Турции принять участие в работе подготовительной комиссии. Инициатива, проявленная Советским правительством, оказала свое влияние. Вслед за телеграммой М. М. Литвинова 8 марта 1928 г. последовало письмо министра иностранных дел Польши Залесского генеральному секретарю Лиги Наций аналогичного содержания⁴. Руководители Лиги Наций, упорно приглашавшие Турцию вступить в Лигу с целью сделать ее соучастницей их антисоветских комбинаций, перед фактом поддержки Турции Советским Союзом уже не смогли открыто выступить против инициативы последнего. 9 марта Совет Лиги Наций постановил пригласить Турцию принять участие в подготовительной комиссии к конференции по разоружению. Однако, пытаясь отрицать роль Советского Союза в этом вопросе, руководители Лиги Наций, вопреки существующим фактам, распространили слухи, будто инициатива приглашения Турции исходит не от правительства СССР, а от Польского правительства⁵.

«Этот маневр со стороны руководителей Лиги Наций настолько наивен и прозрачен, что вряд ли заслуживает какой-либо оценки», — писала газета «Известия»⁶. Официоз турецкого правительства газета «Хакимисти Миллие» подтвердила, что инициатива приглашения Турции принадлежит Советскому Союзу, а не Польше. В номере от 8 марта 1928 г. «Хакимисти Миллие», изложив предложение СССР о приглашении Турции принять участие в подготовительной работе по созыву конференции по разоружению, отмечала, что «Польша поддержала это предложение»⁷.

Следует отметить, что в вышедшей в 1953 г. книге антисоветски настроенного автора Ахмеда Шюкрю Эсмера также отмечается, что «Литвинов предложил, чтобы Турция принимала участие в собиравшейся в Женеве подготовительной комиссии конференций по разоружению»⁸.

15 марта 1928 г. в Женеве открылась пятая сессия подготовительной комиссии к конференции по разоружению. Турецкая делегация не присутствовала при открытии сессии — она еще не прибыла в Женеву; делегацию представлял турецкий посланник в Швейцарии Мюнир-бей. Когда представитель Германии Бернсдорф предложил отложить обсуждение главнейших вопросов до понедельника с тем, чтобы дать возможность турецкой делегации более активно участвовать в работах комиссии, глава советской делегации М. М. Литвинов немедленно поддержал это предло-

⁴ «Известия», 10 марта 1928 г.

⁵ Вопрос о приглашении Турции принять участие в подготовительной работе по созыву конференции по разоружению тенденциозно освещался в журнале «L'Asie française», в котором дается искаженное представление о бескорыстной поддержке, оказанной Советским Союзом Турции в этом вопросе. См. G. Besnard, La Turquie pacifique. «L'Asie française», Mai 1928, p. 182.

⁶ «Известия», 10 марта 1928 г.

⁷ Пат. по ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 2, ед. хр. 276, л. 115.

⁸ Ahmet Sükrü Esmer. Siyasî tarih (1919—1939). Ankara, 1953, s. 203.

женис⁹. 19 марта турецкая делегация во главе с министром иностранных дел Тевфик Рюштю-беєм¹⁰ прибыла в Женеву. Выступив на заседании подготовительной комиссии 19 марта, Тевфик Рюштю поздравил делегацию СССР с деятельностью, направленной к укреплению мира¹¹.

Принимая впервые участие в работе подготовительной комиссии по разоружению, турецкая делегация, однако, с самого начала заняла непоследовательную и половинчатую позицию в основном вопросе — обсуждении проекта советской конвенции о всеобщем разоружении.

В противовес туманным и неопределенным предложениям вдохновителей Лиги Наций, преследующих цель под маской обсуждения проблемы разоружения скрыть свои империалистические замыслы, Советский Союз открыто выступил с проектом всеобщего, полного и немедленного разоружения. Советский проект конвенции предусматривал уже по истечении одного года со дня вступления в силу конвенции приведение сухопутных, морских и воздушных сил всех государств в такое состояние, которое затруднило бы их использование для ведения войны. Тем самым значительно ограничивалась возможность вооруженных столкновений и интервенций империалистических держав.

Говоря о предложении советской делегации относительно полного, всеобщего и немедленного разоружения, влиятельная турецкая газета «Акшам» в номере от 22 марта 1928 г. в передовой статье отмечала: «...Державы, которые как и всегда были убеждены, что в вопросе о разоружении Советы действуют с задней мыслью, были изумлены этим предложением, ибо их цель заключается в том, чтобы всегда обсуждать разоружение, но никогда не разоружаться...»¹².

О значении советского проекта разоружения официоз турецкого правительства газета «Миллиет» писала 24 марта 1928 г. «Советский проект полного разоружения требует признания за всеми нациями, как большими, так и малыми, права управлять своими собственными судьбами. Этот проект является единственным средством действительного обеспечения международного мира...»¹³.

Противоречивость и половинчатость позиции турецкой делегации выявилась в следующем: турецкая делегация вместе с германской высказалась за обсуждение советского проекта конвенции «против попыток скрыть проект в каких-нибудь подкомиссиях, замолчать его или тайно похоронить»¹⁴. Это было положительным вкладом Турции в дело обсуждения советского проекта конвенции.

Вместе с тем, турецкая делегация не поддержала самый проект конвенции.

⁹ См. газ. «Известия», 16 марта 1928 г.

¹⁰ Впоследствии принял фамилию Арас.

¹¹ «Известия», 21 марта 1929 г.

¹² «Акшам», 22. III. 1928. Цит. по ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 2, ед. хр. 276, л. 56.

¹³ «Миллиет», 24. III. 1928. Цит. по Досье иностранной и советской печати, 1928, д. 2. «Материалы Института истории АН СССР».

¹⁴ М. М. Литвинов, Внешняя политика СССР, М., 1935, стр. 161.

На заседании подготовительной комиссии 19 марта Тевфик Рюштю заявил, что советская делегация, сделав свое предложение по вопросу о всеобщем разоружении, доказала свою преданность идеалу мира, однако он этот проект нашел «слишком радикальным». Турецкая делегация сделала свое предложение, «более свежее, чем советское», как расценила его газета «Репюблик» (французское издание полуофициозного органа правительства газеты «Джумхуриет»). Это «свежее» предложение заключалось в том, что Тевфик Рюштю предлагал подвергнуть проблему разоружения «практическому рассмотрению, оставив в стороне всякие иллюзии»¹⁵. Согласно предложению Тевфика Рюштю, державы должны были принять в отношении друг друга серьезное и твердое решение не прибегать к войне, а в случае серьезности этих решений заключить между собой пакты о ненападении. Однако турецкое предложение заключить отдельные пакты о ненападении не было новым по своей идее. Советский Союз еще в 1925 г. выступил на международную арену с аналогичным предложением и первый же договор такого рода был подписан именно с Турцией.

Советско-турецкое сотрудничество имело место и в вопросе о досрочном введении в действие пакта Келлога-Бриана.

27 августа 1928 г. в Париже представителями США, Франции, Англии и других стран был подписан договор о воспрещении войны в качестве орудия национальной политики (Пакт Келлога-Бриана).

Инициаторы этого пакта США и Франция, а также другие крупные державы, стремились сделать из него орудие борьбы против СССР. 5 августа 1928 г. Народный Комиссариат иностранных дел СССР опубликовал заявление, разоблачающее антисоветские замыслы инициаторов пакта, что вынудило правительства капиталистических государств пригласить Советский Союз подписать пакт Келлога. Несмотря на ряд существенных недостатков, Советское правительство сочло возможным присоединиться к пакту. Критикуя содержание Парижского договора, Советское правительство в своей ноте указывало следующее:

«Тем не менее, поскольку Парижский пакт объективно накладывает известные обязательства на державы перед общественным мнением и дает Советскому правительству новую возможность поставить перед всеми участниками пакта важнейший для дела мира вопрос — вопрос о разоружении, разрешение которого является единственной гарантией предотвращения войны, Советское правительство изъявляет свое согласие на подписание Парижского пакта»¹⁶.

Одновременно Президиум ЦИК СССР своим постановлением от 29 августа 1928 г. ратифицировал присоединение СССР к пакту. Таким образом, Советский Союз первым, раньше держав-инициаторов, ратифицировал его. В то же время империалистические государства, явившиеся

¹⁵ „Репюблик“, 21 III. 1928. Цит. по ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 2, ед. хр. 276, л. 48.

¹⁶ „Известия“, 1 сентября 1928 г.

инициаторами пакта и подписавшие его, не спешили с вводом его в действие (пакт мог войти в силу лишь после ратификации его всеми государствами-участниками — Р. С.). Поэтому Советское правительство, первым ратифицировав его, вступило в переговоры с пограничными государствами о досрочном введении пакта в действие. Инициатива советской дипломатии завершилась успехом. 9 февраля 1929 г. в Москве представителями СССР, Польши, Латвии, Румынии и Эстонии был подписан протокол о досрочном введении в действие Парижского пакта.

Московский протокол декларировал, что пакт Келлога-Бриана немедленно вступает в силу между подписавшими протокол государствами (ст. I). Любое правительство могло присоединиться к Московскому протоколу (ст. IV).

В ноте от 26 февраля 1929 г. правительству Турции Советское правительство, препроводив текст Московского протокола, приглашало Турцию присоединиться к Московскому протоколу. В ответной ноте турецкого правительства от 27 февраля 1929 г. отмечалось, что оно «с самого же начала было поставлено в известность сообщением Советского правительства об инициативе Литвинова, которая во всех отношениях отвечает мирной политике». Турецкое правительство заявляло, что оно с удовольствием приобщается к Московскому протоколу¹⁷.

На вопрос корреспондента газеты «Известия» как оценивает турецкое общественное мнение Московский протокол, чрезвычайный и полномочный посол Турции в СССР Рагиб-бей ответил: «турецкая общественность с большим удовлетворением встретила это событие, т. к. этот протокол является самым верным орудием мира»¹⁸.

Однако наиболее значительным событием в советско-турецких взаимоотношениях рассматриваемого периода явилась поездка Л. М. Карахана в Турцию и подписание Анкарского протокола. В декабре 1929 года с ответным визитом на посещение СССР в 1926 г. турецкого министра иностранных дел Тевфик Рюштю-бея в Турции побывал заместитель Народного Комиссара иностранных дел СССР Л. М. Карахан. Приезд Карахана в Турцию совпал с периодом напряженной деятельности турецкого правительства по преодолению финансового кризиса, обострившегося к этому времени в связи с разразившимся мировым экономическим кризисом.

Официоз «Хакимйети Миллие» в номере от 15 декабря указывал на необходимость брать пример с Советского Союза, железной рукой проводящего режим экономии и сумевшего отразить все трудности¹⁹.

Турецкая пресса широко освещала визит Карахана. Газеты напоминали о важном значении материальной и моральной поддержки, оказанной Советской Россией Турции в самые тяжелые годы.

¹⁷ «Известия», 1 марта 1929 г.

¹⁸ См. «Известия», 21 марта 1929 г.

¹⁹ «Hakimiyeti Milliye», 15.XII.1929.

Официоз «Хакимйети Миллие» писал следующее:

«Г. Карахан представитель народного управления, которое в наши черные дни осталось нашим другом и с уважением относилось к нашему энтузиазму.

В момент, когда Турция имела бесчисленное количество врагов, единственный голос, который признал справедливой нашу национальную борьбу, раздался с Севера»²⁰.

«В те времена, когда турецкая революция стала господствовать по всей Анатолии, национальное правительство, родившееся из упомянутой революции, прежде всего вступило в сношения с Россией. Война за независимость нашла своих первых внешних и официальных друзей в советской стране. Этому не следует забывать», — указывала в передовой статье от 16 декабря газета «Акшам».

Пребывание в Турции одного из руководителей советской внешней политики послужило делу упрочения внешнеполитических связей между обменными странами.

17 декабря 1929 г. в Анкаре состоялось подписание протокола о продлении и расширении советско-турецкого договора о нейтралитете и ненападении. Протокол подписали: от имени Правительства СССР заместитель Народного Комиссара по иностранным делам Л. М. Карахан и полпред СССР в Турции Я. З. Суриц, от имени Правительства Турецкой Республики — министр иностранных дел Тевфик Рюштю.

Анкарский протокол состоял из трех статей.

В статье 1-й говорилось, что советско-турецкий договор о ненападении и нейтралитете от 17 декабря 1925 г. считается продленным на срок в два года. «Если одна из договаривающихся сторон не предупредит другую за шесть месяцев до окончания двухлетнего срока о своем желании положить конец существованию договора, договор будет рассматриваться продленным автоматически на новый период времени сроком в один год».

Согласно статье 2-й каждая из договаривающихся сторон обязывалась «не начинать без уведомления другой стороны переговоров, имеющих целью заключение политических соглашений с государствами, непосредственно граничащими на суше или на море с другой стороной, и не заключать таких соглашений без согласия этой стороны».

Таким образом, по сравнению с договором о ненападении и нейтралитете от 17 декабря 1925 г. Советский Союз и Турция брали на себя новые, существенные обязательства, направленные на обеспечение мира. Если договор 1925 г. исключал участие сторон во враждебных группировках друг против друга, то Анкарское соглашение обязывало стороны не вступать в переговоры и вообще не заключать политических соглашений с определенной группой государств без согласия другой стороны.

Значение этого взаимного обязательства приобретало особую важность тем фактом, что в той же статье 2-й Анкарского протокола стороны заявили о том, что между ними и другими государствами, «непосред-

²⁰ „Hakimiyeti Milliye“ 16-XII-1929.

ственно граничащими на суше или на море с другой стороной, не существует никаких соглашений, кроме актов, уже опубликованных»²¹.

Итак, в развитие положений советско-турецкого договора 1925 г. Анкарский протокол значительно расширял сферу взаимных обязательств, направленных на создание более благоприятных условий сохранения мира на обширном участке, более надежных гарантий безопасности обеих стран.

Последняя, 3-я статья Анкарского протокола устанавливала, что протокол будет служить дополнением к советско-турецкому договору о ненападении и нейтралитете 1925 г. и будет являться его нераздельной частью.

Подписание Анкарского соглашения явилось значительным событием в советско-турецких отношениях. В то же время оно знаменовало собой продолжение миролюбивой внешней политики советского государства в новой исторической обстановке.

В противовес многочисленным военным соглашениям между крупными капиталистическими державами, под «пацифистской» маской Лиги Наций трактующим об условиях ведения войны, Анкарский протокол представлял собой новый шаг, имевший своей целью укрепление мира.

«Принципиальное политическое значение Анкарского протокола усугубляется тем обстоятельством, — писала газета «Известия» по поводу подписания соглашения, — что он представляет собой в некотором смысле новое слово, новую форму мирной политики Советского Союза»²².

Поездка Карахана в Турцию и подписание Анкарского протокола нашли отклик как в турецкой, так и в европейской печати.

Турецкая печать подробно комментировала это важное политическое соглашение и выражала свое удовлетворение подписанным протоколом.

Стамбульский офицюз газета «Миллет» посвятила передовую статью анализу содержания Анкарского протокола. Цитируя статью 2-го протокола и отмечая ее важное значение, газета писала: «Из этой статьи видно, что тайная политика и политика агрессий эпохи империй и империализма не имеет места в наших взаимоотношениях».

Эта же газета в номере от 24 декабря 1929 г., касаясь гарантий, даваемых друг другу договаривающимися сторонами по поводу их отношений с другими соседями, отмечала:

«Фиксировать это обстоятельство и заявлять о нем полезно вследствие того, что таким образом ставится препятствие авантюристической политике, могущей соблазнить других»²³.

Иначе было встречено Анкарское соглашение руководящими кругами и прессой западных стран. Как и следовало ожидать, продление советско-турецкого договора 1925 г. с прибавлением к нему новой важной статьи, явилось неприятной новостью для английских политических кругов.

²¹ «Известия», 18 декабря 1929 г.

²² Там же.

²³ «Milliyet», 24. XII. 1929.

Консервативная «Таймс» 19 декабря поместила на своих страницах заметку своего стамбульского корреспондента, в которой последний писал: «Я имею основание думать, что подписание этого протокола было большой неожиданностью для большинства заинтересованных стран»²⁴.

Либеральная «Манчестер Гардиан», комментируя советско-турецкий протокол, с горечью констатировала тот факт, что Турция обязуется воздержаться от заключения какого-либо антисоветского соглашения с такими державами, как Италия и Англия, имеющими морские базы в непосредственной близости турецких вод²⁵. «СССР может быть теперь уже более уверенным, что ворота Черного моря не будут открыты для флота какой-нибудь враждебной империалистической державы», — отмечала газета²⁶.

Таким образом, история внешнеполитических сношений между Советским Союзом и Турцией в 1928—1929 гг. свидетельствует о том, что благодаря последовательно миролюбивой внешней политике Советского Союза укрепились советско-турецкие отношения, а активная дипломатическая поддержка, оказанная СССР Турции на международной арене, способствовала поднятию международного престижа Турецкой Республики и признанию ее прав. Анкарское соглашение, достигнутое с Турцией по инициативе Советского Союза, явилось новым доказательством миролюбивого характера советской внешней политики, усилия которой вели к участию в борьбе за сохранение мира стран, могущих стать орудием в антисоветских выступлениях империалистических держав.

Однако в дальнейшем имело место ухудшение и обострение советско-турецких отношений. Накануне и в годы второй мировой войны Турция неоднократно нарушала взятые договором 1925 г. и другими соглашениями обязательства.

В послевоенный период Турция принимает активное участие в агрессивных блоках, направленных против Советского Союза и тех ближневосточных стран, которые борются против империализма за сохранение и укрепление своей независимости.

В последние годы Советское правительство принимало шаги для нормализации и улучшения советско-турецких отношений, однако Турецкое правительство не проявляет никакой инициативы в этом важном для Турции вопросе.

²⁴ „The Times“, December 19, 1929.

²⁵ „The Manchester Guardian“, December 23, 1929.

²⁶ Там же.